

УДК 811.163.1

О ФАКТОРАХ РАЗВИТИЯ ЗНАЧЕНИЙ ЛЕКСИКИ ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Д. М. Гудов

Статья посвящена изучению факторов, повлиявших на формирование лексики этико-эстетических категорий в древнерусском языке на основе материалов памятников древнерусской письменности. Рассмотрение проблемы осуществляется в рамках культурно-антропологического подхода с использованием историко-культурного, историко-лингвистического и лексико-семантического видов анализа. Статья содержит ряд предположений автора о влиянии на динамику и формирование лексики этических и эстетических категорий прагматического принципа, который совмещал в себе рациональное и иррациональное (мифологическое); религиозно-политического фактора, а также фактора внешнего влияния философии и культуры Византийской империи.

Ключевые слова: древнерусский язык, лексика, этика, эстетика, философия патристики.

Данное исследование посвящено рассмотрению факторов, которые могли повлиять на формирование и изменение нравственных категорий славян, о чем можно предполагать на основании того, что они находят отражение в лексике древних славянских языков. Такими языками являются старославянский, общеславянский книжно-письменный язык, отразивший в себе определенные лексические реликты, и древнерусский, являющийся одним из преемников старославянского как в генетическом плане, так и в культурном. Соответственно, при рассмотрении указанных языков имеется большая доля вероятности обнаружить определенную динамику развития лексики морально-эстетических категорий. Совмещение моральных и эстетических категорий продиктовано тем, что в древности, на наш взгляд, их разделение отсутствовало, и этико-эстетический комплекс представлял собой некое единство.

Материалом для нас послужили лексические единицы с корнями крас-, добр-, благ- и их словоформы, которые достаточно часто проявляют синонимичность своих значений. К таким относятся: красьный, краситьсѧ, красить, красота, красящий, красно; добро, добро-та, добрый; благыни, благо, благодать, благой. Источниками для языкового материала послужили письменные памятники старославянского языка: Супральный рукопись и

Евхологий синайский; памятники письменности древнерусского языка: Изборник Святослава 1073 года, Житие Андрея Юродивого, Слово о законе и благодати, Житие святого Мефодия, Поучение Владимира Мономаха, Повесть временных лет, Софийская первая летопись, Галицкая летописи; старорусские памятники письменности: Житие и подвиги великого князя Александра Ярославича, прозванного Невским, фрагменты Хронографа 1617 года, Повесть о Горе-Злочастии.

Указанные выше лексемы выбраны еще и с учетом культурной и этической значимости для древних славян, отраженной еще в праславянском языке. Так, профессор С. В. Алексеев считает, что среди слов, обозначающих наиболее важные положительные этические воззрения, были такие, как: храбрость, которая мыслилась как решительность или стремительность действий; физическая красота (корень крас-), мудрость, доброта (добр-, благ-) и прочее. Все они в совокупности представляют собой часть ключевых слов культуры, которые, по словам О. Н. Трубачёва, должны передавать собственно самый дух этой культуры [1, с. 193].

О. Н. Трубачёв отметил также, что сам термин «красота» во всех языках отличается большой экспрессивностью, что обуславливает достаточную динамичность во времени, быстрое стирание и обновление лексики; при

этом не менее верно и утверждение метафорического способа формирования и обновления наполнения терминов. Это обуславливает, на наш взгляд, невозможность толковать древнюю лексику, которая связана с той культурой наитеснейшим образом, исходя только из современных понятий, которые теперь приобрели максимально абстрактное и при этом нередко и субъективное понимание. Иначе говоря, нельзя, например, применительно к древнерусскому языку, указывать, что красота / краса – это красота, игнорируя зависимость лексики от эпохи. Разумеется, нецелесообразен подобный подход и к таким словам, как добро и благо, хотя они несколько менее экспрессивны. Необходимо показать всю глубину такой лексики для сознания человека той эпохи, но для того, чтобы познать глубину, необходимо знать факторы, которые могли повлиять на формирование такого наполнения.

Перед тем как перейти к собственно факторам, которые так или иначе влияли на семантические преобразования в исследуемых корневых системах, следует обозначить их состояние на изначальном этапе, то есть охарактеризовать их как этимоны. Здесь необходимо обратиться к работе М. В. Пименовой «Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте», в которой исчерпывающе на данный момент проанализировано явление семантического синкретизма. Это явление формально-содержательной асимметрии, по мнению М. В. Пименовой, проявляется в такой лексико-семантической категории как синкретсемия, которая понимается как «особая семасиологическая категория» [2, с. 6], выражение словом-синкретой «двух или более нерасчлененных значений» [2, с. 45]. Уточним, что термин слово-синкрета – введён В. В. Колесовым – обозначает предельную лексическую единицу, которая выражает синкретичное значение [2, с. 44]. Именно эта категория, вслед за М. В. Пименовой, определяется нами как ведущая для указанных этимонов по причине их отнесенности к этико-эстетической лексике. То есть, данные корни на изначальном, праславянском, этапе одновременно совмещали в себе те значения, которые будут высвобождены на более поздних этапах под воздействием тех экстралингвистических

факторов, о которых будет говориться далее, а также чисто языковых лексических микроэволюционных процессов, которые в нашей работе не затрагиваются. Так, например, корень крас-, по-нашему мнению, изначально мог обозначать одновременно такие значения как: «красота», «красный цвет», «цвет вообще», «украшение» и т.д.

Перейдем далее к рассмотрению факторов, которые, как мы полагаем, влияли на формирование морально-эстетических категорий в древнейший период существования славянства. Исходным пунктом будет мысль о том, что в основе системы общественных норм праславян, как, впрочем, человека древности вообще, лежал прагматический принцип (о том, что он действует не изолированно будет сказано далее). Однако данный принцип не следует трактовать в современном понимании, рациональное в нем соседствует с иррациональным, мифологическим, причем роль последнего была ключевой.

Почему же за основу берется прагматический принцип? Это связано с тем, что в рассматриваемый период человек только начинал сознавать себя вне природы, всячески пытался отгораживаться от нее, это требовало от него огромных усилий «по рациональному упорядочиванию и организации практического опыта и субъективных ощущений...» [3, с. 15], или иначе – для создания культуры. И здесь мы переходим к тем категориям, о которых говорили ранее. Именно сильный человек, способный заступиться за свое племя, способный вести хозяйство, наделялся положительными характеристиками. Его доброта, красота выражались в его материальных качествах, и при этом они были наделены мифологическим символизмом. Так, например, слово добро, как считал Б. А. Ларин, изначально связывалось с материальным достатком, иначе говоря, словосочетание добрый человек означало, скорее всего, богатого, сильного, нежели того, кто знаком с добротой в современном понимании. Несмотря на то, что подобное языческое мировоззрение к началу христианизации славян разрушалось, оно нашло отражение в ранних памятниках письменности.

Так, в древнерусских памятниках мы обнаруживаем остатки ещё языческого взгляда на окружающий мир у славян.

Например, в «Поучении Владимира Мономаха» И. И. Срезневский находил лексему добро в значении «имение»: «...Оче добро есть блюсти...» [4, с. 674]. Однако мы склонны видеть здесь значение слова добро как «богатство вообще»

Подобные примеры мы находим и в старославянских памятниках. Например, в Зографском евангелии конца X или начала XI в. (Л. 12,18) [5, с. 192] находим слово добро в значении «богатство»: «съберѣ тоу жита моѣ · добро мое», что явно перекликается с современным значением «имущество»: «...принялась методично перекладывать все свое добро из рюкзака в кожаную сумку...» (Марина Зосимкина. «Ты проснешься». Книга первая). С таким же значением мы можем обнаружить и слово благины: «приде человекъ нѣкто незнаемъ съпроста къ старьцоу имѣа осьла многъ благины наложено» (Супр. 291,5) [5, с. 91]. Подобное, но с корнем крас-, можно встретить в первых древнерусских рукописях, например, в «Житии Феодосия Печерского»: «...одежу боярьскую и положи ю пред старцемъ, и також коня, суцаа въ ютвари, и постави пред нимъ, глаголя: “Се вся, отче, красьнаа прельсть мира сего суть...”».

Отсюда и проистекает понимание красоты как чего-то материального, применительно к человеку – физически слаженного, если же говорить вообще, то подразумевается нечто упорядоченное, вспомнить хотя бы греческий *κόσμος*. Следует отметить, что для славян было характерно понимание красоты и как жизни в широком смысле. Так, например, изначально корень крас- имел значение «цвет жизни», что внешне находило выражение в румянце на лице, т.е. красивый человек, для сознания древних русичей – это человек румяный, с хорошим цветом лица.

Указанное значение впоследствии переходит в значение «наслаждение», «радость», что отражают такие памятники, как «Изборник Святослава 1073 года», в котором И. И. Срезневский находил такой пример: «Ни краситьсѣ (Богъ) погыбѣлиѣ живыхъ» [4, с.1315]. Подобное значение также можно обнаружить и в переводном византийском памятнике «Житие Андрея Юродивого»: «яко на многы ча(с) бѣхъ бе- себе. кра(с)оуясѣ. любѣи похоти» [4, с. 1315].

В старославянских памятниках также встречаются подобные фрагменты с указанным значением, например, Супрасльская рукопись: «богъ съмръти не сътвори · ни красоуетъ сѣ пагоубѣ» (Супр. 389,6–7) [4, с. 293], «вы красоуете сѣ златомъ» (Супр. 19,21) [4, с. 293], или Синайский евхологий: «оуготовити сѣ отъселѣ не на покои · ни на пищѣ · ни на ино етеро земныхъ красоть · славныхъ» (Евх. 90а, 17–18) [5, с. 293].

Однако, нельзя рассматривать указанный прагматический принцип изолировано, провозглашая его «руководящим». Необходимо учитывать, что, когда речь идет о славянской древности, мы имеем дело с обществом, в котором уже существует социальная структура, так или иначе присутствует классовый антагонизм. Отсюда, как мы полагаем, проистекает то, что указанный принцип сосуществует с потребностью родовой знати и жрецов в аргументации своего положения по отношению к остальным слоям племен. Иными словами, знать и жрецы конструируют морально-эстетические категории и нормы, а если говорить шире, – конструируют ещё такие явления, как род, племя и так далее. То есть, продолжая нашу мысль, немаловажное значение имеет и воздействие религиозного, и в особенности социально-политического, фактора, который в разное время выступает ключевым на уровне надстройки. При этом следует учитывать, что языческая религия древних славян, ее система были недостаточно развиты [6, с. 298–299], а соответственно, то же можно сказать и о морально-эстетических категориях. Развитие указанных категорий происходит одновременно с развитием государственности на Руси и с появлением первых контактов с Византией, под которыми мы понимаем военные походы X века, а затем и крещение Руси в 988 году. Заметим, что это происходит уже после эпохи общности славян и касается восточных славян.

Общая картина мира, представленная в надстройке, демонстрирует сформированную христианскую модель, что было обусловлено христианизацией, которую мы понимаем как внешний культурный фактор. Важность этого фактора для русской культуры в целом очень верно отметил В. Н. Топоров: «Принятие христианства на Руси не только приобщило к уже христианскому миру наиболее обширную и

самую отдалённую часть единого пространства – Восточную Европу, но и тем самым в исторически ближайшем будущем открыло новый огромный мир, который должен был христианизироваться с помощью русских христиан» [7, с. 3].

С приходом христианства на Русь, восточные славяне перенимают через язык те категории, которые были сформированы в старославянском языке, наполняя свою лексику новым содержанием. Если говорить в общекультурном плане, можно привести цитату В. В. Бычкова: «Эстетика древних болгар IX–X вв. явилась тем первым мостом, через который многие идеи византийской эстетики были перенесены <...> на Русь...» [8, с. 23]. Здесь требуется внести некоторые уточнения по поводу того, что выступало основой для этики и эстетики Византии и что было перенято у нее славянами. Основополагающими в этико-эстетической области в ту пору являлись труды Отцов Церкви, таких, как Дионисий Ареопагит, Августин Аврелий, Ориген и др.

Обратимся к трактату Дионисия Ареопагита «О божественных именах», где формулируется христианский взгляд на понимание красоты: «Сверхсущественное же Прекрасное называется Красотой потому, что от Него сообщается собственное для каждого очарование всему существу; и потому, что Оно – Причина благоустройства и изящества всего и наподобие света излучает всем Свои делающие красивыми преподания источаемого сияния; и потому что Оно всех к Себе привлекает, отчего и называется красотой; и потому что Оно все во всем сводит в тождество» [9, с. 107]. На основе этого фрагмента можно сделать вывод, что красота выступает главной характеристикой Вселенной, отражающей ее гармоничность и упорядоченность. Причем далее в трактате излагается важная для нас мысль о том, что Прекрасное тождественно Доброму, и как верно заметил У. Эко комментаторы к Дионисию Ареопагиту, например, Илдуин, видели единство Блага и Добра: «Доброта и Благо не разделяется в причине... Мы называем добрым то, что является благим» [10, с. 50]. Таким образом, вырисовывается схема «Благо – Добро – Красота». Именно здесь следует усматривать основу совершенно нового взгляда на красоту, причём не только для славян.

Как мы уже сказали ранее, славянское язычество было весьма молодо и эклектично, что, с одной стороны, способствовало созданию ситуации двоеверия на Руси, вернее в народной её культуре (хотя нельзя не отметить, что сами носители такой культуры двоеверие в своих взглядах не обнаруживали), а с другой, – довольно скорому включению восточных славян в христианскую семью народов. Наиболее ярко это демонстрируют примеры из «Слова о законе и благодати», что обусловлено большой опорой автора памятника на другие ранние рукописи, отразившие христианское мировоззрение. Исследователи предполагают, что таковыми для митрополита Илариона были «Слово на Преображение Господне преподобного Ефрема Сирина» [11, с. 26.], «Пространные жития Кирилла и Мефодия», «Жития святого Вита и святого Вацлава» [12, с. 71–85], «Большой апологетик» патриарха Константинопольского Никифора и прочие византийские сочинения [13, с. 5–18.]. Например, фрагмент: «...сынъ твои Георгии...юже съ всякою красотою украси: златомъ и сребромъ, и камениемъ драгимъ, и съсуды честными...» [14]. И в Его славу будет существовать Церковь на Руси в будущих веках. Хотя, на первый взгляд, может показаться, что в тексте красота (в первую очередь материальная), возможно близка к языческому пониманию, однако это в корне не так. Здесь подразумевается, что, украшая Церковь разными драгоценностями, послуш Георгий создает символический параллелизм, посредством которого Церковь соотносится одновременно с миром дольным, в котором каждый элемент подобен драгоценности, потому что он создан всеблагим Богом, и с миром горним; то есть Церковь мыслится как дом Божий.

Далее по тексту: «виждь чадо свое Георгия... виждь егоже Господь изведе от чресль твоихъ, виждь красящааго столь земли твоеи – и возрадуися и възвеселися!» [14]. Здесь наиболее явственно ощущается параллелизм красоты, благости и доброты, о чем мы сказали ранее: Георгий украшает «столь земли» не потому, что он имеет какие-то, положительные внешние характеристики, а потому, что его дела соответствуют нормам христианства.

В памятнике письменности находит свое отражение идея о том, что Бог есть благодать и истина «Законъ бо прѣдътечя бѣ и слуга благодѣти и истинѣ, истина же и благодѣть слуга будущему вѣку» [14], и в Его славу будет существовать церковь на Руси в будущих веках. Следует отметить, что в тексте находят отражение и остатки языческого мировоззрения: «Тебе же како похвалимъ, о честнии и славнии въ земельных владыках, прѣмужьственнии Василие? Како добротѣ твоей почюдимся, крѣпости же и силѣ?» [14]. Под добротой здесь, скорее всего, следует понимать именно материально-телесную крепость, что поддерживается в контексте рядом семантически сходных имен существительных, а также тем, что благо начинает постепенно становится собирательным обозначением Бога, уступая значение материального достатка лексемам с корнем добр-, как писал В. В. Колесов [15, с. 488.].

Однако мы должны понимать, что мысли, вложенные в эти слова, которыми полнятся трактаты и памятники, хотя и несут в себе высокое религиозно-гуманистическое значение, все равно подчинены политическим интересам княжеской и церковной власти, которая видела в этом оправдание своего социального положения, оправдание военных походов. Применительно к «Слову о законе и благодати» – это идеологическое оправдание скорой русско-византийской войны 1043–1046 гг. Как верно писал Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», акцентировать свое внимание надо на том, что общество делает, а не на том, что говорит о самом себе, не на его несовершенных представлениях о себе [16, с. 212].

Наиболее живописно и точно, вышеизложенные мысли переданы во фрагменте из «Жития святого Мефодия» по списку XII века: «Богъ благъ <...> есть створилъ от небытия въ бытие всьсячская видимая же и невидимая и украсилъ всьсякою красотою...» [17], как нам кажется, это следует понимать, как то, что каждый элемент бытия, создаваемый Богом с благими целями, имеет характеристики прекрасного как благого. В другом примере также демонстрируется видение красоты как чего-то одновременно материального и духовно упорядоченного: «Нои правдѣнь ся обрѣте въ родѣ своемъ, потопа

избысть въ ковчезѣ, да ся бы паки земля напълнила твари Божия и украсила» [17].

Далее в памятнике опять же демонстрируется понимание добра в отношении рода не как именно знатного, а благостного, следующего заповедям православного христианства: «Бѣ же рода не худа от обоуду, нѣ вельми добра и чьстьна, знаема пьрвѣ Богъмъ и цьсаръмъ и вьсею Селуньскою страною» [17]. Также в Житии отмечается, что человек по замыслу Божию стремится к доброму, благому: «...да ся тѣмъ подобяще, вьси на доброе устили...» [17], следовательно, он [человек], также стремится к прекрасному, упорядоченному во всем.

Устремление же к упорядоченности при этом пронизывает все стороны бытия человека. Так, например, в «Поучении Владимира Мономаха» говорится, что добро и красота видятся в единстве людей: «Что есть добро и красно, но еже жити братья вкупѣ!» [18], причем источником такого единства выступает Бог: «Просвѣти очи мои, Христе Боже, иже даль ми еси свѣтъ твой красный...» [18].

До этого момента мы акцентировали свое внимание на памятниках, целиком и полностью относившихся к сфере религиозной, далее покажем, как влияние внешнего фактора повлияло на язык летописи. Отметим, что текст всякой летописи в большей мере характеризуется острой политической направленностью. Наиболее ярко в летописи отражается классовая и внутриклассовая борьба своего времени, а также борьба между собой отдельных феодальных центров [19, с. 355–356]. Поскольку термин «классовая борьба» может показаться неприменимым для той эпохи, поясним, что под классовой борьбой мы, продолжая идею классиков марксизма, понимаем всякий антагонизм между большими социальными группами, в данном случае между сословиями.

Важно отметить, что сословные противоречия появляются не в собственно историческом повествовании, где отражаются потребности правящего сословия, а во вставках писца, например, в «Софийской первой летописи»: «Вас молю, стадо Христово: с любовью приклоните ушеса ваша разумно! Како быша древнии князи и мужи их. И како отбараляху Руския земля и иныя страны приимааху под ся: тии бо князи не сбирааху

много имения ни творимых вир, а ту взимааше и дружине на оружие дая...» [20, с. 9]. Соответственно в тексте летописи заключены и морально-эстетические категории и нормы, отражающие сознание правящего сословия. Однако, поскольку языческое на разных уровнях было слабо представлено как система, то оно постепенно принимало новое наполнение.

Так, например, во фрагменте «Повести временных лет» мы встречаем: «богъ бо не хоцеть зла въ члвцѣхъ. но блага. а дьяволъ радуетьса злomu оубииству» [21]. Здесь благо понимается в двух планах, обусловленным все тем же политическим характером летописей, а именно благо понимается как жизнь вообще, противопоставляясь убийству, смерти, как деятельности дьявола; благо в контексте предложенной нами схемы видится как гармоничное устройство миропорядка между людьми, поляризуясь с междоусобицей как с разрушением этого миропорядка, как с убийством. Обратим внимание на следующий фрагмент, в котором источником для формирования этико-эстетической категории красоты выступает Ветхий Завет: «Соломонъ бо рече: “Праведници въ вѣкы живутъ, и от Господа мзда имъ есть и строение от Вышняго. Сего ради примут царствие красотѣ и вѣнѣць доброты от руки Господня, яко десницею защититъ я и мышцею покрыеть я”» [21], «И видѣвъ ю добру сущю лицом и смыслену велми, и удивися цесарь разуму ея...» [21]. Прослеживается неразрывная связь политического и религиозного уровней в исследуемую эпоху: красота, мыслимая как благое устройство мира вообще, переходит на социальное устройство общества.

Теперь обратимся к фрагменту из Галицкой летописи: «...вкр(с)тъ кра(д) поле села. созда же цркъвь стго Ивана красную и лѣпоу» [22]. Он примечателен тем, что подряд идут две лексемы, которые служат для обозначения категории «красота», они выступают в функции однородных определений. По сути лексемы отражают разные стороны данной категории, а именно духовную красоту, которая исходит от Бога, и материальную красоту, и, что важно, – рукотворную, хотя, судя по всему, две лексемы постепенно полностью сблизались в значении, что привело к исчезновению одной из них.

Отмеченная семантическая дифференциация вряд ли была статичной в древнерусском языке, поскольку в следующем примере в обоих значениях используется производное с корнем крас-: «Ставшу же ему на оной странѣ Днѣпра во Градъка Пѣсочного, видивъ град, удивися красотѣ его и величеству его...» [22]. Красота города одновременно выступает как нечто, созданное руками человека, и одновременно упорядоченное, как мироздание, а соответственно, она соотнесена с Божественным. Такое же видение рукотворного, соотносимого с космическим, повторяется в другом фрагменте: «...Посади же садъ красенъ, и созда церковь святыма Безмѣздникама» [22].

Не менее интересен следующий пример: «...Нѣкто же от ляховъ, не бояринъ, ни добро-го роду, но простъ сый человекъ, ни в dospѣсѣ...» [22], потому, что здесь отражается еще древнее значение лексемы добрый, о котором мы говорили в контексте о славянской языческой древности, т.е. речь идет о доброте как знатности и зажиточности. На этом отголоски языческой древности не заканчиваются. Вот еще пример: «...Се же король Данило, князь добрый, хоробрый и мудрый, иже созда города многи, и церкви постави, украси ѣ разноличными красотами» [22]. Здесь возможно два прочтения: добрый в том значении, которое характерно для языческой картины мира, и это аргументировано последующим словом хоробрый; с другой стороны, мы уже указывали, что христианская картина мира довольно быстро стала родной для славян, и в конкретном примере добрый может означать, что деяния человека соответствуют христианству.

Важно отметить, что, несмотря на отмеченную в начале экспрессивность исследуемой лексической группы, наблюдать динамику приходится только в переходные периоды. И указанное выше понимание категорий сохраняется довольно долго, и начинает изменяться (не разрушаться) под воздействием демократических процессов примерно в XVI веке, когда в понимании гармонии религиозный оттенок уходит на второй план, но не исчезает в силу того, что диалектика культуры и религии остается.

Поэтому обратимся к памятникам письменности XVI – XVII веков. Так, например, в «Житии и подвигах... великого князя

Александра Ярославича, прозванного Невским» составленного примерно в XVI веке, встречаем: «Бѣ же возрастомъ велик зело, красота же лица его видѣти, яко Прекраснаго Иосифа...» [23]. Красота здесь уже связана не с божественной природой, а именно с получением эстетического удовольствия чисто человеческого характера от благовидности лица. Нечто похожее мы можем встретить и в «Хронографе 1617 года» в части о «Царстве Феодора Борисовича Годунова»: «Тѣлесною же добротою возраста и зрака благогѣпною красотою, аки кринь в тернии паче всѣхъ блисташеся» [24].

Наиболее репрезентативный пример обнаруживаем в «Повести о Горе Злосчастии»: «Еще, чадо, не давай очам воли, не прелщайся, чадо, на добрых красных жен...» [25]. Здесь речь идет о красоте в достаточно бытовом понимании, близком при этом к народному, фольклорному. Собственно, влияние фольклорной традиции видится довольно сильным. Далее в тексте: «Пошел, поскокчил доброй молодец по кругу, по красну по бережку...» [25]. Здесь красный более напоминает характерный фольклорный эпитет, однако мы предполагаем, что в данном случае отразился новый секуляризированный взгляд, хотя и окрашенный несколько негативно.

Итак, в результате исследования лексических единиц с корнями крас-, добр-, благ- в контексте старославянских, древнерусских и старорусских памятников были выделены три фактора, которые, как мы полагаем, влияли на формирование морально-эстетических категорий и отразились в значениях исследуемых лексем: прагматический фактор, который совмещал в себе рациональное и иррациональное (мифологическое); религиозно-политический фактор, который отражал потребности правящих сословий на уровне этических и эстетических категорий; внешний культурный фактор, который определялся влиянием культуры Византийской империи. Причём мы предполагаем, что второй – религиозно-политический фактор – являлся наиболее выраженным на всех этапах, и в особенности после принятия славянами христианства. Отметим также, что большинство словарных статей на лексемы с исследуемыми корнями не отражают лексических значений во всей их

полноте. Затронутые в статье примеры не исчерпывающи, но они демонстрируют общую культурную ситуацию.

Литература

1. Трубачёв О. Н. Этногенез и культура древних славян. М.: Академический проект, 2017. 540 с.
2. Пименова М. В. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Владимир: Филологический факультет СПбГУ; Владимирский государственный педагогический университет, 2007. 415 с.
3. Тэнасе А. Культура и религия. М.: Политиздат, 1977. 127 с.
4. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб.: Типография Имперской Академии Наук, 1893. Т. 1. 806 с.
5. Старославянский словарь. М: Русский язык, 1994. 842 с.
6. Назвренко А. В. Древняя Русь и славяне. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. 528 с.
7. Топоров В. Н. Язык и культура: об одном слове-символе // Балто-славянские исследования. 1986. М.: Наука, 1988. 267 с.
8. Бычков В. В. Русская средневековая эстетика. XI-XVII вв. М.: Мысль, 1995. 637 с.
9. Дионисий Ареопагит. О божественных именах. О мистическом богословии. СПб.: Глаголь, 1994. 370 с.
10. Эко У. Искусство и красота в средневековой эстетике. М.: АСТ, 2016. 352 с.
11. Шевырѣв С. П. История русской словесности. СПб.: Тип. Бахметева, 1860. Ч. 2. 424 с.
12. Розов Н. Н. Из истории русско-чешских литературных связей древнейшего периода (О предполагаемых западнославянских источниках сочинений Илариона) // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1968. Т. 22. 343 с.
13. Молдован А. М., Юрченко А. И. «Слово о законе и благодати» и «Большой Апологетик» патр. Никифора // Герменевтика древнерусской литературы: Сборник 1: XI–XVI вв. М.: Тип. Министерства культуры СССР, 1989. 481 с.
14. Слово о Законе и Благодати Илариона [Электронный ресурс]. URL:

<http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=48684961> (дата обращения: 4.11.2019).

15. Колесов В. В. Мир средневекового человека. М.: Академический проект, 2019. 659 с.

16. Энгельс Ф. Происхождении семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1986. Т. 3. 639 с.

17. Житие святого Мефодия [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2164> (дата обращения: 4.11.2019).

18. Поучение Владимира Мономаха [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4874> (дата обращения: 4.11.2019).

19. Лихачев Д. С. Текстология. Л.: Наука, 1983. 639 с.

20. Софийская первая летопись, вып. 1 // Полное собрание русских летописей, т. 5. Л.: Издательство Российской Академии Наук, 1925. 244 с.

21. Повесть временных лет [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (дата обращения: 4.11.2019).

22. Галицкая летопись [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4961> (дата обращения: 4.11.2019).

23. Житие и подвиги великого князя Александра Ярославича, прозванного Невским [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10141> (дата обращения: 4.11.2019).

24. Из Хронографа 1617 года [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10940> (дата обращения: 4.11.2019).

25. Повесть о Горе-Злочастии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.odrl.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4852> (дата обращения: 4.11.2019).

ON DEVELOPMENT FACTORS OF VALUES OF VOCABULARY OF ETHICS AND AESTHETIC CATEGORIES IN OLD EAST SLAVIC LANGUAGE

D. M. Gudov

The article is devoted to the study of factors that influenced the formation of vocabulary of ethical and aesthetic categories of the Old East Slavic language based on materials from the monuments of Old Russian writing. The problem is considered within the framework of the cultural-anthropological approach with the use of historical-cultural, historical-linguistic and lexical-semantic types of analysis. The article contains a number of author's assumptions about the impact on the dynamics and formation of vocabulary of ethical and aesthetic categories of the pragmatic principle, which combined the rational and the irrational (mythological); religious and political factor, as well as the external influence factor of the philosophy and culture of the Byzantine Empire.

Key words: ethics, aesthetics, Ancient Russia, Slavs, Byzantium, philosophy of patristics, Slavistics.

Статья поступила в редакцию 01.10.2020 г.

© Gudov D. M., 2020.

Gudov Dmitry Maksimovich (dimagudov99@mail.ru),

student IV course of the Faculty of Philology and Journalism of the Samara University, 443086, Russia, Samara, Moskovskoye shosse, 34.